PG2145
.M37

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG2145
.M37

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00023752146

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
NOV 2 1 2010			
JUN 01 2010			

Form No. 513

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/mozhnolipisatpog00mirt

А. В. МИРТОВЪ,
преподаватель I-ой Петрогр. Гимназіи и Смольнаго Института.

Можно ли писать „по Гроту“?

Къ вопросу объ искаженіи русской рѣчи академикомъ Яковомъ Карловичемъ Гротомъ.

Цѣна 30 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

MC C PG2145 .M37

MIRTOV

А. В. МИРТОВЪ,
преподаватель I-ой Петрогр. Гимназіи и Смольнаго Института.

MOZHNO LI PISAT'

Можно ли писать „по Гроту“?

"PO GROTU"

Къ вопросу объ искаженіи русской рѣчи академикомъ Яковомъ Карловичемъ Гротомъ.

1916.

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко., Петроградъ, Екатерингофскій пр., 87.

Предисловіе.

„Я научился, однако-жъ, цѣнить свое германское происхожденіе въ отношеніи къ языку и наукѣ".
Гротъ. Автобіографія.

Данная книжка заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ статеекъ (частью напечатанныхъ уже въ нѣкоторыхъ педагогическихъ журналахъ), объединенныхъ одной мыслью, что Я. К. Гротъ „въ отношеніи къ языку и наукѣ" не былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, нѣмецкія симпатіи часто брали рѣшительный перевѣсъ.

Въ своей книжкѣ „Русско-нѣмецкое правописаніе Якова Карловича Грота" я указывалъ до 60—70 случаевъ явнаго искаженія Гротомъ русской рѣчи, въ данной же книжкѣ я больше касаюсь вопроса о причинахъ такого искаженія и вопроса: можно ли и законно ли пользоваться правописаніемъ Грота въ школахъ?

20039 76

8-1-75

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе 3
Изъ протокола Комиссіи при Акад. Наукъ 7
Отвѣтъ г. К. Гроту 9
1) Одобрено ли „Руководство Грота“? 9
2) Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія 16
3) Выступленіе г. К. Грота 21
4) Отношеніе г. К. Грота къ орѳографіи Я. К. Грота 22
Тетеря! 24
Искаженіе сочиненій русскихъ классиковъ самимъ Гротомъ и позже „по Гроту“ 28
Правописаніе Грота и здравый смыслъ 31
Любовь Я. К. Грота къ русской исторіи 34
Правописаніе Грота и „прямые интересы школы“ 39
Заключеніе 40

„Учитель волей-неволей стремится къ идеалу, т. е. къ правописанію „по Гроту“. И льются, льются дѣтскія слезы, тяжко вздыхаютъ родители дѣтей средне-учебныхъ заведеній, а тѣхъ знаній, которыя нужны отечеству и церкви, мало. А какъ, сравнительно, много ихъ можно было бы дать народу, даже и при наличныхъ средствахъ, если бы облегчить обученіе правописанію“ *).

*) См. „Извлеченіе изъ протокола засѣданія Комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи при Академіи Наукъ, 12 апр. 1904 г.“ „Прав. Вѣстн.“ № 102, 1904 г. Также: отдѣльное изданіе Академіей „Протокола“, 59.

Отвѣтъ К. Гроту (сыну).

Въ декабрьскомъ номерѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія появилось письмо г. К. Грота (сына) не съ критикой, а съ рѣзкими обвиненіями по поводу моей брошюры „Рус.-нѣм. правописаніе Я. К. Грота".

Изъ чисто филологической области, въ предѣлахъ которой я все время держался, г. К. Гротъ переходитъ въ сферу чуть ли не личныхъ отношеній, обвиняетъ меня въ томъ, что мнѣ непріятно *нѣмецкое происхожденіе* Грота, etc., хотя я говорилъ всего о нѣмецкомъ *произношеніи* и о невольныхъ симпатіяхъ Я. К. Грота къ нѣмецкому *языку*.

Долженъ увѣрить, что никакой рѣчи о личныхъ счетахъ и быть не можетъ, и по самой простой причинѣ: Якова Карловича я знаю только по его „трудамъ", а существованія г. К. Грота (извините за простодушную откровенность) я и не подозрѣвалъ вовсе.

Какъ бы то ни было, мой неожиданный оппонентъ затрагиваетъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ я не только не отказываюсь, но приношу ему искреннюю благодарность: вѣдь, перенесеніе вопроса въ область біографическую только прольетъ свѣтъ и укрѣпитъ мое утвержденіе, что правописаніе Я. К. Грота „есть узаконенное произношеніе петроградскихъ нѣмцевъ".

Обвиненія, возводимыя на меня, можно свести къ четыремъ пунктамъ. Разсмотримъ ихъ въ отдѣльности.

1) Одобрено ли „Руководство" Грота?

На 252 стр. двѣнадцатой книжки Журн. М. Н. Пр. (1915 г.), въ письмѣ К. Грота, читаемъ:

„Брошюра начинается съ заявленія г. Миртова, что за истекшія 30 лѣтъ книга („Русское правописаніе" Я. К. Грота) выдержала цѣлый рядъ „дополненныхъ и измѣненныхъ" изданій, и что „эти новыя изданія не просмотрѣны и не одобрены до сихъ поръ ни однимъ научнымъ или высшимъ учебно-административнымъ учрежденіемъ" и проч. Первая половина этого утвержденія совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ, вслѣдствіе чего естественно теряетъ свое значеніе и вторая его половина".

Позволю себѣ привести основанія, въ виду которыхъ я продолжаю рѣшительно настаивать, что „Русское Правописаніе" Грота *и дополнено, и измѣнено, и никѣмъ послѣ этого не одобрено.*

Въ десятомъ изданіи сравнительно съ первымъ (единственно одобреннымъ въ свое время Академіей Наукъ) внесено вновь цѣлыхъ *семь страницъ* мелкихъ правилъ и *тринадцать страницъ* отдѣльныхъ словъ въ „Справочномъ указателѣ", заключающихъ въ себѣ *болѣе тысячи* новыхъ словъ, написаніе которыхъ сплошь и рядомъ крайне сомнительно.

Несмотря на это, г. К. Гротъ (сынъ) утверждаетъ, что „дополненныхъ" изданій не было! Однако, въ новыхъ изданіяхъ (отъ 2-го по 19-ое) еще больше *измѣненій*, чѣмъ дополненій. Прежде всего, Гротъ по *своему* усмотрѣнію внесъ въ указатель своего „Руководства" знаки ударенія надъ словами. Во многихъ случаяхъ эти гротовскія ударенія, какъ я указываю въ своей брошюрѣ, искажаютъ русскую рѣчь [1]).

Внесеніе ударенній — это огромной важности *измѣненіе*. Вѣдь самъ Гротъ, вслѣдъ за древнимъ грамматикомъ Діомедомъ, называетъ ударенie „душою рѣчи" (Тр. II. 337).

Очень много измѣненій сдѣлано Я. К. Гротомъ и въ области правописанія. Измѣненія эти часто совершенно противорѣчатъ первоначальному тексту „Руководства". Напр. въ I изданіи читаемъ: „употребляемая иногда въ живой

---

[1]) Напрасно г. К. Гротъ ставитъ знаки удивленія (?!) надъ моимъ удареніемъ „складчйна". Такое ударенie извѣстно и Я. К. Гроту. „Труды" II, 313. Изд. 1899 г.

рѣчи форма „поздо“ на письмѣ *не допускается*“, а въ 10 и 19 изданіяхъ уже: „обычная въ живой рѣчи форма „поздо“ *правильна*, какъ видно изъ сравнительной степени „позже“ (49 стр.); I изданіе вовсе не допускаетъ слова *затхлый*, замѣняя его малопонятной формой *задхлый*, а 19-ое изданіе указываетъ основанія правильности и слова *затхлый!*

Первое изданіе даетъ форму „вядчина“, а 19-ое „до времени (?!) отказывается отъ строго-этимологической формы“ въ пользу написанія *ветчина*. И т. д., и т. д. [1]).

Основываясь на указанномъ, я и говорилъ, что послѣдующія изданія „Русскаго Правописанія“ Грота *и дополнены и измѣнены*. Впрочемъ, это подтверждаетъ и нашъ оппонентъ признаніемъ, что „Гротъ постепенно совершенствовалъ свой трудъ“. Правда, К. Гротъ добавляетъ, что „съ вѣдома и съ санкціей (?!) своихъ сочленовъ, т. е. академіи, и что онъ самъ оговорилъ эти, небольшія впрочемъ, измѣненія и дополненія въ предисловіи къ 10-му изданію, гдѣ высказана имъ живая признательность всѣмъ, содѣйствовавшимъ ему въ работѣ и доставившимъ ему свои замѣчанія“.

Однако, мы имѣемъ основанія настаивать, что и академія не давала своей санкціи послѣдующимъ (начиная со 2-го!) изданіямъ Гротовскаго „Правописанія“. Дѣло обстояло такъ. Едва появилось руководство „Русское Правописаніе“, послышались и вѣскія возраженія (напр. извѣстная статья акад. А. И. Соболевскаго). Я. К. Гротъ сдѣлалъ видъ, что идетъ навстрѣчу имъ и обратился „черезъ газеты къ лицамъ, интересующимся этимъ дѣломъ“ (Труды II, 818). Изъ полученныхъ указаній Гротъ кое-что принялъ къ свѣдѣнію, но по *своему* усмотрѣнію, а не „съ вѣдома и санкціи академіи“. Только тѣ изъ указаній, „которыя не противорѣчили *нашему* основному взгляду, принимались во внима-

---

[1]) Другіе примѣры измѣненій:

Въ I изданіи: Владимиръ (и), Гекзаметръ, Изьянъ (ь), калачъ (а), колодезь, набалдашникъ (ш), обтъ и обтовый (б), пашпортъ (ш), снигирь (и), сумерокъ (о), чучела (а) и т. п.

Въ X изданіи: Владиміръ (і), экзаметръ, изъянъ (ъ), колачъ (о), колодецъ, набалдачникъ (ч), оптъ и оптовый (п), паспортъ (с), снѣгирь (ѣ), сумерекъ (е), чучело (о) и т. п.

ніе“ (ib. 819). Ну, а тѣ, которыя противорѣчили взглядамъ Грота? На нихъ можно не отвѣчать! „Здѣсь даю объясненія только по тѣмъ, которыя *казались мнѣ* заслуживающими болѣе вниманія“ (ib. 849). Правда, Гротъ въ предисловіи къ 10-му изданію приноситъ свою благодарность группѣ лицъ, но *это не сочлены* его по академіи, а въ большинствѣ случаевъ случайные корреспонденты изъ провинціи. Именъ же „сочленовъ“ и лицъ, взгляды которыхъ противорѣчили Гроту, напр., нынѣшняго академика А. И. Соболевскаго, здѣсь не найдете вовсе.

На основаніи только этой благодарности Грота, говорить о санкціи и одобреніи академіи, разумѣется, не приходится.

На данный вопросъ проливаетъ свѣтъ рѣчь академика И. В. Ягича, произнесенная имъ на торжественномъ чествованіи Академіей Наукъ 100-лѣтней годовщины рожденія Я. К. Грота [1]).

Оказывается, что все „Отдѣленіе русскаго языка и словесности“ Академіи Наукъ въ годы выхода и первыхъ изданій „Руководства“ Грота состояло, вмѣсто полагавшихся по закону двадцати членовъ, всего изъ *пяти* человѣкъ, кругъ дѣятельности которыхъ былъ разграниченъ:

Гротъ — Русскій языкъ,
Ягичъ — Славянская филологія,
Веселовскій — Сравнительная исторія литературы,
Сухомлиновъ — Русская словесность,
Бычковъ — Древне-русская письменность (археографія).

Замѣтимъ, что двое послѣднихъ заняты были въ то время *историческими*, а не филологическими изысканіями. Сухомлиновъ издавалъ свою обширную „Исторію Россійской Академіи“, а Бычковъ былъ занятъ описаніемъ рукописей, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ (онъ былъ съ 1882 г. ея директоромъ) и изданіемъ полнаго собранія лѣтописей.

Во всякомъ случаѣ, какъ видно, компетентныхъ лицъ *въ области русскаго языка* среди „сочленовъ“ Грота было не такъ много.

---

[1]) См. „Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“; томъ XC, № 3, стр. 65 и далѣе.

При этомъ непосредственное участіе И. В. Ягича въ занятіяхъ отдѣленія прекратилось, по его словамъ, въ 1886 году, т. е. въ самый разгаръ возраженій Гроту и выхода дополненныхъ и измѣненныхъ изданій его „Руководства“ [1]).

Изъ рѣчи И. В. Ягича мы узнаемъ далѣе, что измѣненное 5-ое изданіе вызвало недовольство Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣдній предложилъ Гроту *„разослать руководство къ извѣстнѣйшимъ изъ русскихъ филологовъ съ тѣмъ, чтобы ихъ отзывы разсмотрѣны были потомъ въ особой комиссіи“*. Разумѣется, что Гротъ, крайне настойчивый въ своемъ мнѣніи (хотя бы и ошибочномъ) „возсталъ рѣшительно противъ высказанной въ ученомъ комитетѣ мысли и предложенія“ и „убѣдительно доказывалъ нецѣлесообразность такого предложенія“.

Еще бы! Къ чему, „по справедливому его (Грота) замѣчанію, снова подымать вопросы уже рѣшенные; тутъ-то началась бы и настоящая ломка русскаго правописанія, которая бы могла совершенно запутать это дѣло и окончательно сбить съ толку какъ преподавателей, такъ и учащихся“. Гротъ отказался „отмѣнить то, что сдѣлано Академіей (?) при внима-

---

[1]) Умѣстно здѣсь добавить и то, что самъ Гротъ, хотя и числился офиціальнымъ представителемъ *русскаго языка* въ Академіи, однако фактически далеко *не былъ спеціалистомъ* и въ этой области. Онъ плохо зналъ теорію языка и почти не былъ знакомъ съ исторіей русскаго языка. Впрочемъ, чтобы быть объективнымъ, позволимъ себѣ привести выдержку изъ рѣчи проф. Е. В. Пѣтухова, произнесенной на упомянутомъ торжествѣ. „Исторіей русскаго языка до Петра Великаго занимался онъ *очень мало*, а церковно-славянскій языкъ и славянскія нарѣчія изучалъ *лишь въ общихъ чертахъ* и болѣе практически—уже въ Гельсингфорсѣ, между другими дѣлами; вслѣдствіе этого его наблюденія и соображенія въ области русской грамматики имѣли болѣе практическій, чѣмъ ученый характеръ... Гораздо въ меньшей степени, по самому существу дѣла, отразился недостатокъ научной школы у Грота на его работахъ въ области исторіи русской литературы и отчасти русской исторіи“... См. „Памяти академика Я. К. Грота“ „Сборникъ Акад. Наукъ“, томъ 90, № 3, стр. 35—36.

Впрочемъ, нельзя согласиться и съ такой оцѣнкой его заслугъ въ области исторіи литературы. Объ этомъ увидимъ мнѣніе проф. Будде, на стр. 29.

ніи оказанномъ ею къ предложеніямъ педагогическаго сословія" (гдѣ и когда?!).

Итакъ, Гротъ прикрылся именемъ Академіи Наукъ, хотя какъ видѣли, *вопреки закону*[1]), все „Отдѣленіе Русскаго языка" въ то время состояло почти изъ одного Грота.

Разумѣется, что самъ Гротъ одобрялъ себя, но не такъ посмотрѣла Академія нѣсколько позже.

По данному вопросу мы имѣемъ совершенно опредѣленныя и офиціальныя свѣдѣнія.

Въ протоколѣ „Комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи при Академіи Наукъ" (начало 1904 года), помѣщенномъ въ № 101 и 102 „Правительственнаго Вѣстника" за 1904 г. и изданномъ позднѣе Академіей Наукъ въ видѣ отдѣльной брошюры, опредѣленно сказано:

„Казанское педагогическое общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, обратилось въ Отдѣленіе Академіи Наукъ съ просьбой высказаться: признаетъ ли Отдѣленіе правописаніе, рекомендованное покойнымъ академикомъ Гротомъ, своимъ академическимъ правописаніемъ и не считаетъ ли желательною замѣну этого правописанія другимъ, болѣе простымъ и болѣе систематичнымъ? Въ то время, когда въ Отдѣленіи обсуждался отвѣтъ на вопросъ Казанскаго педагогическаго общества, получена была отъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній бумага, въ которой предложенъ тотъ же вопросъ относительно руководства Грота „Русское Правописаніе" и вмѣстѣ съ тѣмъ выражена надежда, что отдѣленіе *въ интересахъ школы*[2]) подвергнетъ обсужденію упрощеніе принятаго нынѣ русскаго правописанія"...

„Отдѣленіе въ отвѣтъ на вопросы относительно правописанія, рекомендованнаго Гротомъ, высказало, что руко-

---

[1]) По дѣйствовавшимъ въ то время постановленіямъ 1841 года число членовъ Отдѣленія русск. яз. должно было быть двадцать, а въ моментъ выхода „Правописанія" ихъ было *пять*, при чемъ по русскому языку *одинъ* Гротъ!

[2]) Гротъ-сынъ напротивъ утверждаетъ, что Правописаніе Грота издано „въ прямыхъ интересахъ школы"—объ этихъ прямыхъ интересахъ будетъ рѣчь особо, стр. 39.

водство по правописанію составлено было акад. Гротомъ по порученію отдѣленія, но *не отъ имени отдѣленія*".

Въ документѣ, озаглавленномъ „По поводу реформы русскаго правописанія" [1]), также опредѣленно сказано, что „не признавая его (правописаніе Грота) вполнѣ удовлетворительнымъ съ одной стороны, а съ другой, *не имѣя основанія считать его результатомъ коллегіальнаго обсужденія членовъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности*, Академія Наукъ созвала комиссію по вопросу о русскомъ правописаніи"...

Какимъ комизмомъ звучатъ на ряду съ этими документальными данными утвержденія Грота-сына, что Я. К. Гротъ издалъ и совершенствовалъ (?) свой трудъ „съ вѣдома и съ *санкціей* (?) своихъ сочленовъ, *т. е. академіи*"! [2]).

---

[1]) „Правит. Вѣстникъ" № 93, 1904 г., сообщеніе подкомиссіи, избранной общимъ составомъ Комиссіи при Академіи Наукъ.

[2]) Не поправитъ дѣло и ссылка на отчетъ покойнаго акад. Веселовскаго (одинъ изъ пятерыхъ), въ № 8; XXXVIII Сборника Ак. Наукъ въ отчетѣ за 1885 годъ, что отдѣленіе считаетъ долгомъ отвѣтствовать въ цѣломъ своемъ составѣ" etc.

Далѣе въ кавычкахъ приводятся слова самого Грота, что „каждый вопросъ подвергался тщательному пересмотру въ собраніи всѣхъ *наличныхъ* членовъ"...

Отдѣленія русск. яз. и сл., выпуская въ 1905 году подробный протоколъ засѣданія упомянутой комиссіи, достаточно освѣщаетъ эти заявленія:

„Гротъ считалъ нужнымъ прибавить: „при этомъ каждый вопросъ подвергался тщательному пересмотру въ собраніи всѣхъ *наличныхъ* членовъ Отдѣленія и рѣшаемъ былъ съ общаго согласія", однако, и эти слова предисловія,—хотя сами по себѣ они могутъ вызвать недоразумѣніе,—не должны давать повода думать, будто правила русскаго правописанія, изложенныя въ руководствѣ Грота, выработаны были по постановленіямъ Отдѣленія. Извѣстно, что *въ новыхъ изданіяхъ этой книги, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, дѣлаемы были авторомъ различныя измѣненія и дополненія*, и если бы руководство „Русск. правописаніе" въ первомъ изданіи, дѣйствительно, выражало не мнѣнія ак. Грота, или также и другихъ лицъ, но постановленія Отдѣленія, то и при всякомъ измѣненіи или дополненіи въ послѣдующихъ изданіяхъ этой книги *необходимъ былъ бы новый тщательный пересмотръ* даннаго вопроса въ собраніи членовъ Отдѣленія, а о такомъ пересмотрѣ ак. Гротъ не упоминалъ въ предисловіяхъ къ новымъ изданіямъ, и, напр., его слова въ предисловіи къ 5 изд., повторяющіяся и въ послѣдующихъ изданіяхъ: „ни одно изъ присланныхъ

2) Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія.

Вмѣсто того, чтобы опровергнуть мое утвержденіе, что „правописаніе Грота есть узаконенное *произношеніе* петроградскихъ нѣмцевъ“, мой оппонентъ (Гротъ-сынъ) обвиняетъ меня въ томъ, что я ставлю въ вину Гроту его *происхожденіе*.

Не о не-русскомъ происхожденіи, а *о не-русскомъ произношеніи говорилъ я*.

О томъ, что Я. К. Гротъ не вполнѣ владѣлъ русской рѣчью, свидѣтельствуютъ многочисленныя, приведенныя въ моей брошюрѣ его слова и выраженія: жестянный мастеръ (вм. жестяникъ), кашлянýть (вм. кáшлянуть), корячки (?!), обезсмертю (?!), Овдотья, Олена, пѣсельникъ, редижировать (?!), тфу (изъ „тьфу“), шафка (шавка), щиколотокъ (щиколка) и пр. И напрасно мой оппонентъ заявляетъ, что „литературный языкъ и слогъ Грота (*во всѣхъ его трудахъ*: ученыхъ и литературныхъ, и въ перепискѣ) всегда пользовались репутаціей образцовой чистоты и правильности“.

Если и *пользовались* (прош. вр.), то по недоразумѣнію. Чтобы судить объ образцовой чистотѣ и правильности его слога, достаточно пробѣжать любую страницу „Трудовъ“.

Вслушайтесь въ фразы: „Русскіе при политической

мнѣ замѣчаній не осталось безъ самаго внимательнаго *съ моей* стороны обсужденія“, ясно показываютъ, что участіе Отдѣленія въ этомъ обсужденіи не требовалось, именно потому, конечно, что руководство „Русское Правописаніе“ было трудомъ, составленнымъ по порученію Отдѣленія, но *не отъ имени Отдѣленія*“. „Протоколъ, 12 апр. 1904 г.“ стр. 6—7.

Можно думать, что акад. Веселовскій совершенно не интересовался „Правописаніемъ“ Грота и не слѣдовалъ ему и самъ. Въ томъ же самомъ Сборникѣ Академіи Наукъ, гдѣ помѣщено „Русское Правописаніе“ Грота, напечатана обширная статья Веселовскаго „Южнорусскія былины“. Уже бѣглый просмотръ орѳографіи Веселовскаго свидѣтельствуетъ, что онъ *или не зналъ, или не признавалъ правилъ Грота*. Вотъ примѣры: въ теченіи 59, въ продолженіи 63, въ заключеніи 53, вслѣдствіи 53, 54; мущина 55, 97, обращикъ 121, разкащикъ 224, укащикъ 118, перескащикъ 66, предъидущій 57, 116, 280, 296; безъименный 67, надсмѣшки 60, апокалипсическій 278, архіепископъ 63, подъ конецъ 54, разстрѣлены 137, перы 200, названія народовъ всюду съ большой буквы, а гротовское „по-нѣмецки“ всюду „по Нѣмецки“ и проч. и проч.

самостоятельности своей страны *не ставятъ національную гордость въ чистотѣ своего языка*". (II. 401).

„Онѣ много способствовали къ облегченію мнѣ искусства владѣть русской прозой" (V. 8).

„Такъ какъ дамъ не было дома, я самъ *дѣлалъ чай*" (Пер. II. 838).

„Я возьмусь приготовить его въ *русскомъ* языкѣ" (Пер. II, 9).

„Захотѣвъ чего-нибудь, не давалъ покоя домашнимъ, пока *не буду* удовлетворенъ, и *показывалъ особенную живость въ принятіи впечатлѣній*". („Матеріалы для жизнеописанія акад. Я. К. Грота", 63 стр.).

„Видѣлъ орла, который упалъ *изъ воздуха* и не могъ подняться". (Пер. II, 10).

„ ... Который ищетъ *случаевъ* говорить по-русски" (Пер. II. 280).

„Козловы представили меня ей *на заведеніи водъ*" (ib.)

„Пошелъ дождь, *съ которымъ* мы пріѣхали въ Выборгъ" (Пер. I, 1).

Такихъ перловъ русской рѣчи у Я. К., этого, по заявленію К. Грота, „тонкаго знатока русскаго языка", найдется сколько угодно.

Не опровергнетъ нашего утвержденія и заявленіе г. К. Грота, что Я. К. Гротъ, „несмотря на датско(?)-германское происхожденіе своего рода, выросъ въ семьѣ вполнѣ русской по духу, въ которой домашнимъ языкомъ (конечно, первымъ для дѣтей) былъ русскій, *послѣ котораго слѣдовалъ французскій*" и проч. „Въ нѣмецкомъ языкѣ онъ имѣлъ очень мало практики какъ въ дѣтствѣ, такъ и позже" (255).

Къ сожалѣнію, эти прекрасныя слова противорѣчатъ словамъ самого Якова Карловича Грота.

Въ своей автобіографіи онъ говоритъ: „но и французскій и нѣмецкій языкъ мы усвоили себѣ въ ранніе годы, незамѣтно, *въ семейномъ кругу*, такъ что *мнѣ трудно припомнить, которому изъ нихъ я научился прежде*" (V. 3).

Правда, въ семьѣ сына нѣмецкаго пастора Карла Грота серьезное вниманіе обращали и на русскій языкъ, и забо-

тились „чтобы дѣти прежде всего хорошо выучились говорить по-русски, и потому прислуга у насъ была исключительно русская“ (ib).

Г. К. Гротъ неточной передачей нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ жизни и условій воспитанія Я. К. Грота вынуждаетъ насъ къ небольшой біографической экскурсіи.

Однако мы считаемъ долгомъ сдѣлать слѣдующую оговорку: займись Гротъ какой-либо другой дѣятельностью, только не реформой русскаго правописанія и языка, мы быть можетъ, были бы ему и благодарны, *несмотря на его германское происхожденіе*. Изслѣдовать же русскій языкъ съ тѣмъ, чтобы быть законодателемъ въ области правописанія и *произношенія*, имѣетъ право только коренной русскій человѣкъ, обладающій непосредственнымъ чутьемъ въ области своей рѣчи.

Я. К. Гротъ былъ внукомъ переселившагося изъ Гольштиніи въ Россію нѣмецкаго пастора Іоакима Христіана Грота, причастнаго къ нѣмецкой наукѣ и литературѣ [1]).

Отецъ Я. К. Грота, Карлъ Христіанъ Гротъ, былъ женатъ на Каролинѣ Ивановнѣ (?!) Цизмеръ (Ziesmer), родомъ „какъ кажется, изъ Восточной Пруссіи“. („Матеріалы“, 43).

Каролина Ивановна рано овдовѣла и вся отдалась воспитанію дѣтей, въ числѣ которыхъ былъ и будущій академикъ. Своей матери „онъ больше всего обязанъ какъ природными своими задатками и качествами, такъ и раннимъ и плодотворнымъ ихъ развитіемъ и всѣмъ своимъ воспитаніемъ“. Для насъ важно, что всѣ біографы (и самъ

---

[1]) Съ біографіей Я. К. Грота мы знакомимся отчасти изъ его трехъ-томной „Переписки“, но главнымъ образомъ изъ „Автобіографическихъ замѣтокъ“ (V т. „Трудовъ“) и „Матеріаловъ для жизнеописанія академика Як. К. Грота“, помѣщенныхъ въ 90 томѣ „Сборника отдѣленія рус. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ“, № 1. Составлены они г. К. Гротомъ! Читателя, интересующагося подробными свѣдѣніями изъ жизни Грота, мы отсылаемъ именно къ этимъ трудамъ. Предчувствуемъ, что насъ обвинятъ *въ одностороннемъ освѣщеніи личности* Я. К. Грота, а потому должны оговориться, что личностью Грота мы не интересуемся вовсе. Свѣдѣнія изъ его жизни и условій воспитанія намъ нужны постольку, поскольку они объясняютъ его *не русское произношеніе*.

Я. К.) постоянно подчеркиваютъ, что она была „нѣмка"; очевидно, она не въ достаточной мѣрѣ сама владѣла русскимъ языкомъ, хотя быть можетъ и „любила его".

Біографъ (г. К. Гротъ!) считаетъ необходимымъ „познакомить читателя съ тѣмъ домашнимъ кругомъ, въ которомъ она сама выросла, съ тѣми членами семьи, которые играли наибольшую роль въ ея жизни и которыхъ вліяніе продолжалось и позже — въ ранней эпохѣ жизни и воспитанія ея собственныхъ дѣтей". (Ib. 44).

Семья, воспитавшая Каролину Цизмеръ, была несомнѣнно чисто нѣмецкая, гдѣ плохо говорили по-русски. Біографъ даетъ свѣдѣнія объ одномъ изъ „главныхъ и наиболѣе интересныхъ членовъ" этой семьи — Яковѣ Цизмеръ, братѣ Каролины Ивановны.

„Изъ его нѣсколькихъ нѣмецкихъ писемъ видно, что онъ также (какъ и французскимъ) отлично владѣлъ своимъ роднымъ языкомъ. *Что касается русскаго, то есть основанія полагать, что онъ не былъ въ немъ особенно силенъ*, по крайней мѣрѣ до довольно уже почтеннаго возраста".

Это писалъ самъ г. К. Гротъ всего въ 1912 году, а теперь въ отвѣтъ на нашу брошюру заявляетъ, что „Я. К. выросъ въ семьѣ вполнѣ русской по духу, въ которой домашнимъ языкомъ былъ русскій".

Возможно, что, дѣйствительно, домашнимъ языкомъ былъ русскій, но *какой*—вотъ вопросъ! [1]).

Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, о которомъ Я. К. сохранилъ лишь смутныя воспоминанія, онъ научился „непримѣтно" говорить по-нѣмецки. Этотъ языкъ, очевидно, также былъ иногда и „*домашнимъ*" языкомъ. „*Двухъ лѣтъ* я совершенно свободно говорилъ по-русски; когда у насъ гостила тетка (по отцу), то мы слышали нѣмецкій языкъ и непримѣтно выучились ему".

Въ біографіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній, сколько времени нѣмецкій языкъ былъ домашнимъ языкомъ, но нѣтъ сомнѣ-

---

[1]) Не спасаетъ положенія и заявленіе (двоякое) самого Я. К., что „прислуга была русская". Не отсюда ли такіе перлы Гротовскаго правописанія и произношенія, какъ *пъсельникъ* (анал. кухольный), *пашпортъ*, „*перьвый*", „*зерькало*" и т. д. Впрочемъ, послѣднія два слова Гротъ только такъ произноситъ, а пишетъ безъ мягкаго знака.

нія, разъ *дѣти научились говорить по-нѣмецки*, нѣмецкое вліяніе было длительно.

Также рано обучался Я. К. и французскому языку.

Отсюда одинъ непреложный выводъ: для Я. К. ни одинъ изъ трехъ указанныхъ языковъ не былъ *вполнѣ* роднымъ, вошедшимъ, такъ сказать, въ плоть и кровь его. *Чутья* къ русскому языку у него въ дѣтствѣ сложиться не могло, тѣмъ болѣе, что онъ былъ окруженъ то полу-нѣмцами, то простыми прислугами.

Однако, несмотря на то, Я. К., по собственному заявленію, руководствовался не столько научными соображеніями, сколько „всегда по *чутью* слѣдовалъ тѣмъ началамъ, которыя многіе почерпаютъ только изъ книгъ".

Слѣдовалъ „по чутью", а чутья не было и *не могло* быть! Въ результатѣ и получилось „русско-нѣмецкое" и произношеніе и правописаніе!

10-ти лѣтъ, прямо изъ родительскаго дома, Я. К. поступаетъ въ Царскосельскій лицей, черезъ 9 лѣтъ, по его гордому замѣчанію, послѣ пребыванія тамъ Пушкина [1]).

Воспоминанія Я. К. о лицейскомъ времени, съ одной стороны, выражены въ его лирическихъ стихотвореніяхъ (слабыя потуги одописанія!), а съ другой стороны, въ признаніяхъ, которыя вырывались у него въ минуты раздумья надъ самимъ собой:

„Надобно отдать справедливость тамошнимъ моимъ наставникамъ: всѣ они, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень плохо понимали и цѣль свою, и средства, которыя надобно было употреблять при обученіи"... [2]).

Или въ въ другой разъ: „Если бы я рано попалъ въ руки хорошихъ наставниковъ и потомъ, получивъ основательное элементарное образованіе, поступилъ въ какой-ни-

---

[1]) К. Гротъ въ отвѣтѣ намъ сократилъ этотъ срокъ до 7 лѣтъ. Маленькая, но все же экономія! Кстати, напрасно г. К. Гротъ такъ напираетъ на воспитаніе Я. К. Грота въ царскосельскомъ лицеѣ. Во-первыхъ, какъ увидимъ сейчасъ, Гротъ не былъ *всецѣло* душой отданъ этому лицею, а, во-вторыхъ, лицейское воспитаніе того времени не было вполнѣ русскимъ. Тургеневъ называетъ его въ томъ періодѣ „иноземческимъ воспитаніемъ" (X т., 475 стр.).

[2]) „Памяти акад. Я. К. Грота", 39 стр.

будь *германскій*, напр., университетъ, тогда я могъ бы теперь быть писателемъ [1]).

Итакъ, получая *безплатное* содержаніе и образованіе въ лучшей по тому времени русской школѣ, Гротъ не полюбилъ беззавѣтно эту школу, а жалѣлъ даже, что онъ такъ несчастенъ! Взялъ бы да и ѣхалъ на свой счетъ въ Германію, да и былъ бы „хорошимъ нѣмецкимъ писателемъ".

Въ Лицеѣ Яковъ Карловичъ не только не сталъ вполнѣ русскимъ, но, какъ говоритъ самъ, „въ старшемъ курсѣ я, не переставая признавать Россію своимъ отечествомъ, *научился, однакожъ, цѣнить свое германское происхожденіе въ отношеніи къ языку и наукѣ*" (V. 9).

Здѣсь же *„я полюбилъ нѣмецкую литературу... французская классическая литература стояла для меня уже на второмъ планѣ*" (ib). Посему и лекціи нѣмецкаго профессора Оливы (Олива?) пріобрѣли для меня особенную занимательность". И здѣсь же, наконецъ, „къ публичному экзамену написалъ на нѣмецкомъ языкѣ длинное разсужденіе" объ итальянской литературѣ.

Заканчивая „нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія", позволимъ себѣ обратиться къ г. К. Гроту съ просьбой уяснить намъ, почему онъ только теперь и безъ всякихъ подтверждающихъ фактовъ заговорилъ о *датско*-германскомъ происхожденіи Я. К. Грота? До сихъ поръ открыто писалось, что онъ *„нѣмецъ* родомъ и лютеранинъ по вѣрѣ". („Памяти Я. К. Грота" 38 и 53), что подтверждается и книжкой самого К. Грота, озаглавленной „Матеріалы для жизнеописанія академика Якова Карловича Грота", составленной на основаніи *„всѣхъ*, имѣющихся у меня (у К. Грота), матеріаловъ печатныхъ и рукописныхъ, русскихъ и нѣмецкихъ, а также сочиненій самого пастора Грота" (Прим. на 1 стр.).

3) Выступленіе г. К. Грота.

Чтобы подорвать довѣріе къ моей статьѣ, г. К. Гротъ обвиняетъ меня въ умышленномъ пользованіи „явными и преглупыми опечатками".

„Для всякаго очевидны опечатки: слово *мужчина* съ

---

[1]) Письмо къ Плетневу отъ 2 мая 1847 г.

двумя удареніями на *у* и *и*, и затѣмъ слово „партійный“ съ случайнымъ, по такой же ошибкѣ типографіи, удареніемъ на *а*“.

Очень милый и легкій способъ объяснить всякую нелѣпость — достаточно объявить, что это опечатка!

Такъ, быть можетъ, и всѣ 60—70 случаевъ, приводимыхъ въ моей книжкѣ, такія же опечатки?!

Два ударенія надъ однимъ словомъ не опечатка, а, по разъясненіямъ самого Я. К. Грота, означаютъ, что слово можно читать съ двоякимъ удареніемъ (См. надстрочное примѣчаніе на стр. I „Справочнаго Указателя“, приложеннаго къ „Русскому Правописанію“). Словъ съ двумя удареніями въ упомянутомъ указателѣ Гротовскаго „Руководства“ *около ста пятидесяти*, и смѣшно было бы объявить ихъ всѣ опечатками. Разумѣется, произношеніе *мýжчина* и *пáртійный* до очевидности нелѣпо, но, вѣдь, не въ меньшей степени нелѣпо и „жестянный мастеръ“, и „кашлянýть“, и „обезсмертю“ и т. д.

„Ссылки г. Миртова на другихъ столь же придирчивыхъ критиковъ ни для кого не могутъ быть убѣдительны“, — заявляетъ г. К. Гротъ. Однако, я просилъ бы точнѣе указать, кого должно считать „столь придирчивыми критиками“. Въ своей брошюрѣ, чтобы быть наиболѣе объективнымъ, я ссылался лишь на изданія не только авторитетныя, но почти всегда прямо обязательныя для каждаго преподавателя русскаго языка. Я показалъ, что правописаніе Грота въ *двадцати пяти* случаяхъ противорѣчитъ Словарю Академіи Наукъ, *хотя еще послѣдній не вышелъ и на половину*. Изъ другихъ „придирчивыхъ критиковъ“ я ссылался на акад. А. И. Соболевскаго, акад. Срезневскаго, проф. Брандта, акад. Корша, проф. Богородицкаго и т. под. Съ наименьшимъ ученымъ именемъ изъ нихъ А. Преображенскій и В. Чернышевъ, но я ссылался, главнымъ образомъ, на тѣ ихъ труды, которые премированы Академіей Наукъ.

Не могу считать „придирчивыми ссылками“ и мои ссылки на русскихъ писателей, съ Тургеневымъ во главѣ.

4) Отношеніе г. К. Грота къ орѳографіи Я. К. Грота.

Любопытное явленіе: г. К. Гротъ до сихъ поръ серьезно увѣренъ, что „Правописаніе“ Я. К. Грота издано „съ вѣдома

и одобренія" всей Академіи Наукъ, и въ то же время самъ не хочетъ послѣдовать ему!

Издавая „Труды" своего отца, онъ не постарался объ исправленіи орѳографіи ихъ примѣнительно къ пресловутому „Руководству".

Добавлю, что „Труды" Грота печатались лѣтъ черезъ 15—20 послѣ выхода „Русскаго Правописанія".

По „Русск. Правоп.": впослѣдствіи, душь (жен. р.), итти, нынче, несмотря, Овдотья, потчевать и проч., а въ „Трудахъ" Грота: *„въ послѣдствіи"* (IV. 188), *душъ* (муж. рода) Переп. II, 260, *идти* — дважды на 3 стр. I тома переп. (Изд. *1896 года!*), *ныньче* (ib. II. 110), *не смотря* (ib. II. 280 и III. 224), *Авдотья* Петровна Елагина (Указ. именъ къ Переп.: I. 690, II. 114, III. 678, 840 и др.), *потчивали* (Пер. II. 4.) и т. д. и т. д.

Обидно то, что изданія Пушкина, Тургенева подгоняютъ подъ Гротовское правописаніе, а изданія самого Грота свободны отъ такого обязательства.

У меня подъ руками двѣ книжки (изданныя къ юбилею Грота въ 1912 году), одна носитъ заглавіе „Памяти академика Якова Карловича Грота. Торжественное чествованіе 100-лѣтней годовщины въ Ак. Наукъ", а другая написана рукой самого г. К. Грота: „Матеріалы для жизнеописанія академика Я. К. Грота". Присмотритесь къ орѳографіи ихъ. Съ точки зрѣнія „Руководства" онѣ написаны крайне безграмотно. „Несмотря" здѣсь пишется исключительно въ два слова „не смотря"—„Мат." стр. 30, „Пам."—7, 18, 19, 24—дважды, 44, 59 и др., разцвѣтъ (з)—„П."—26, разцвѣчивать (з)—„М."—66, съуженный (ъ)—П. 35, небезъинтересный (ъ) М. 48, безъизвѣстно (ъ)—М. 51 и т. д.

Обѣ книжки печатаны въ типографіи Имп. Акад. Наукъ.

Тетеря!

„Измѣненія въ письмѣ ведутъ къ измѣненіямъ въ языкѣ; и хотя собственно такъ пишутъ потому, что такъ говорятъ, но часто бываетъ и наоборотъ, что такъ говорятъ потому, что такъ пишутъ". *Гумбольдтъ.*

Съ введеніемъ въ школьное употребленіе „Русскаго правописанія" Грота началось значительное искаженіе русской рѣчи. Искаженіе это пошло тремя путями:

1) черезъ усвоеніе Гротовскихъ *словъ*,
2) черезъ усвоеніе Гротовскихъ *ударенiй* и
3) черезъ примѣненіе Гротовскихъ *общихъ правилъ*.

Первые два пункта въ достаточной мѣрѣ освѣщены нами въ книжкѣ „Русско-нѣмецкое правописаніе Я. К. Грота", на третьемъ остановимся подробно здѣсь.

Русскій языкъ особенно не дается иностранцамъ въ виду *обилія* согласныхъ звуковъ. Почти всѣ согласные звуки у насъ бываютъ и твердыми и мягкими.

Возьмемъ для примѣра звукъ *л*: въ словѣ *лакъ* твердое *л*, въ словѣ же *лягъ* — мягкое *л*. Въ нѣмецкомъ же и французскомъ языкахъ есть только одно мягкое *л* (leben, laisser). Другіе согласные въ упомянутыхъ языкахъ бываютъ только твердые, а у насъ одновременно и твердые и мягкіе.

Отсюда у лицъ, не имѣющихъ природнаго чутья къ русской рѣчи, постоянная путаница въ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ звукахъ нашей рѣчи.

Прекрасной иллюстраціей такого коверканья языка могутъ служить два придуманныхъ Гротомъ правила.

1. На стр. 58 послѣдняго (20-го) изданія Гротовскаго „Руководства" читаемъ: „мягкость *н* передъ слогомъ, начинающимся съ *ч* или *щ* (какъ мягкихъ по существу звуковъ),

на письмѣ не обозначается еремъ (ь): нынче, вѣнчикъ, бранчивый, тончайшій, деревенщина, денщикъ, банщикъ"... и т. д.

Достаточно просто вслушаться въ слова: „деньщикъ" и „поденщикъ", чтобы увидать нелѣпость и варварство Гротовскаго правила. „Поденщикъ" несомнѣнно родственно слову *поденный*, гдѣ *н* произносится твердо.

Слово же „деньщикъ" безусловно другого образованія (отъ *день, деньской*) [1]; здѣсь *н*, не смягченное сосѣдствомъ мягкаго звука *щ*, а *мягкое само по себѣ*, какъ въ словѣ „няньчить" (отъ *нянька*), въ которомъ допускаетъ *ь* и самъ Гротъ.

Такое же мягкое *н* (а не „умягченное сосѣдствомъ щ") встрѣтите и въ словахъ „баньщикъ", „каменьщикъ", „ныньче" и мн. другихъ.

Вѣдь, если быть послѣдовательнымъ, то Гротовское правило надо распространить и на другіе согласные звуки. На томъ же основаніи придется писать „малчикъ", „палчикъ", вѣдь *ч* звукъ всегда мягкій, а стало быть нѣтъ смысла особо обозначать мягкость предшествующаго звука.

2. Еще больше варварства въ другомъ Гротовскомъ узаконеніи, по которому послѣ слога *ер* передъ гортанными и губными звуками (т. е. передъ *б, в, г, к, п, ф*, и *х*) не ставится мягкаго знака: первый, коверкать, церковь, червякъ и проч. [2]).

Здѣсь опять въ одну кучу смѣшаны слова съ различнымъ звуковымъ составомъ! Смутно чувствовалъ это и Гротъ. Въ послѣднихъ изданіяхъ онъ ввелъ незамѣтно оговорку „во многихъ словахъ", но до конца своей „ученой" работы не выяснилъ вполнѣ и *не зналъ*, какъ правильно написать: *серьги* или *серги*. Въ I-мъ изданіи *серьги*, что противорѣчило упомянутому правилу... Въ послѣдующихъ изданіяхъ Гротъ скромно *вовсе выпустилъ это слово изъ „указателя"!*

---

[1]) У Грота „денской". Явная нелѣпость! См. „Этим. словарь" А. Преображенскаго I, вып. 3, стр. 178.

Свою нелѣпую форму Гротъ ввелъ и въ „Акад. Слов.", I-й томъ котораго вышелъ „подъ редакціей Я. К. Грота".

[2]) Особенно плохо, что Гротъ всѣ данныя слова рекомендуетъ *произносить* съ мягкимъ *р*. Стало быть и „перьвый" и „зерькало"?

Всю нелѣпость даннаго правила можно видѣть на одномъ словѣ „тетерька“.

Какъ его писать: съ мягкимъ знакомъ или безъ него? „Тетерька“ или „тетёрка“?

И то и другое. Но *литературнѣе*, вопреки правилу Грота, первое. Второе „тетёрка“ въ сущности является діалектической формой, такъ говорятъ только въ Вологодской и Вятской губерніяхъ.

То, что здѣсь *р* мягкое, подтверждается формами: *тетеря* и древне-русской *тетерѧ* (м. ч.). Акад. Срезневскій допускалъ даже древне-русскую форму на *ь*: тетерь. Въ подтвержденіе онъ приводитъ: „Брашьно много и различно: тетерѧ, гоуси, жеравие, рѧбї“. Сбор. Троиц. XII в. Сл. бог. и Лаз. „Ты же ѧси тетерѧ, гоуси, рѧби, коуры“. Т. ж.

Форма *тетеря* обычна въ пословицахъ: глухая *тетеря*; мѣтилъ въ *тетерю*, а угодилъ въ сукъ; летѣла *тетеря*, вечеромъ не теперя; мужикъ деревня — голова *тетерья*.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ словѣ „тетерька“ *р* исконно мягкое, а потому необходимъ и мягкій знакъ.

Правописаніе „по Гроту“ безъ мягкаго знака „тетерка“ ведетъ къ тому, что *р* читаютъ твердо, а ударяемое *е* передъ твердымъ согласнымъ (въ силу общаго закона великорусскаго нарѣчія) переходитъ въ *ё*.

Такимъ образомъ остается только одна несуразная форма *тетёрка* [1]), неупотребительная и у нашихъ классиковъ.

„Кто не знаетъ тетерева, простого, обыкновеннаго, полевого тетерева-березовика, котораго народъ называетъ „тетера“, а чаще „*тетерька*“.

Аксак. „Зап. ор. ох.“ 6 т., 266 стр. 1886 г.

„Одинъ разъ моя коренная даже задавила копытомъ *тетерьку*“. Т. ж. 267 стр. [2]).

---

[1]) Въ Петроградѣ, подъ вліяніемъ ресторанныхъ меню, которыя печатаютъ также „по Гроту“, широко распространилось „тетерка“. Я слышалъ отъ многихъ, что „тетерька“ никогда и не пишется, стало быть правильно „тетерка“!

[2]) Въ послѣднихъ, искаженныхъ „по Гроту“, изданіяхъ Тургенева (изд. Глазунова) напечатано уже въ разсказѣ „Перепелка“ *тетерка*. Постараемся провѣрить это слово по рукописи Тургенева.

Слово *тетерька* разумѣется такого же образованія, какъ и *няня — нянька, Ваня — Ванька* и т. д.

Допускаетъ же Гротъ отъ „снѣгирь“ — форму „снѣгирька“, почему же и отъ слова „тетеря“ (тетерь) — не допустить соотвѣтствующей литературному произношенію формы *тетерька?!*

Искаженіе сочиненій русскихъ классиковъ самимъ Гротомъ и позже „по Гроту".

Въ главѣ „Отношеніе г. К. Грота (сына и издателя) къ орѳографіи Я. К. Грота" мы видѣли, какъ онъ бережно относится къ подлиннику.

Если въ оригиналѣ „нынѣче", то такъ и печатаетъ, а не по гротовскому правилу „нынче", какъ обязаны писать мы.

Къ сожалѣнію, не такъ бережно относятся издатели къ тексту нашихъ классиковъ. До сихъ поръ у насъ нѣтъ (*даже для научныхъ цѣлей*) точнаго изданія Пушкина [1]), не говоря уже о другихъ писателяхъ.

Сейчасъ у меня подъ руками „Полное собраніе сочиненій Тургенева" въ изданіи 1913 г., но для научной работы оно совершенно негодно. Текстъ подогнанъ къ „Руководству Грота". Судя по приложенному автографу, измѣнены формы на „-щикъ" формами на „счикъ" и „зчикъ".

Количество измѣненій сравнительно съ прежними изданіями (напр., 1883, 1884 г.) здѣсь крайне значительно. Въ романѣ „Отцы и дѣти" по изданію 1883 г. (IV т.): „съ разу" — 198, „на встрѣчу" — 199, 224, 244, „съ боку" — 201, „прикащикъ" — 202 (ter), 222, „на счетъ" — 203, вопервыхъ", „вовторыхъ" — 213, „выйдти" — 215, 237, „въ теченіи" 218, 225, „мущина" — 223, 229, 230, „отъ роду" — 224,

[1]) Въ настоящее время къ такому изданію приступила Академія Наукъ.

„съумѣлъ“ — 231, „по немногу“ — 238, „звѣрокъ“ — 238, „изкоса“ — 242, „разчистить“ — 250, безымянный — 399 и т. д.

Теперь все это подогнано подъ Грота! И измѣненія эти, напр. „звѣрекъ“ вм. *звѣрокъ*, „безыменный“, вм. *безымянный* (4 раза въ романѣ „Новь“) свидѣтельствуютъ уже не объ орѳографическомъ исправленіи, а объ *искаженіи Тургеневскаго языка*.

Если сравнить текстъ изданія 1913 года съ текстомъ всего лишь 1909 года, и то найдете существенныя измѣненія, затемняющія *произношеніе* Тургенева. Въ стихотвореніи въ прозѣ „Услышишь судъ глупца“... встрѣчается обычная Тургеневская форма „безымянный“, а въ изданіи 1913 года уже и здѣсь и всюду „безыменный“, т. к. форма „безымянный“ по Гроту ошибочна.

Къ оправданію издателей должно сказать, что дурную манеру *искажать* авторскій текстъ внесъ въ обычай самъ покойный академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ.

Онъ вносилъ свою *гротовскую* орѳографію даже и въ *научныя* изданія нашихъ писателей. Имъ изданы сочиненія Ломоносова и Державина. Изданы, разумѣется, за счетъ Академіи Наукъ, во многихъ томахъ, со многими примѣчаніями, спеціально „для научныхъ надобностей“.

А при провѣркѣ они, оказывается, не годятся и для этой узкой цѣли. *Текстъ ихъ варварски искаженъ ихъ редакторомъ*, т. е. самимъ Гротомъ. Профессоръ Будде въ послѣднее время провѣрилъ часть изданія по рукописямъ и пришелъ къ самымъ неожиданнымъ выводамъ, опубликованнымъ имъ въ 12 выпускѣ „Энциклопедіи Славянской Филологіи“ (Изд. Акад. Наукъ) стр. 100 и 101.

Здѣсь мы узнаемъ, что Гротъ „значительно въ общемъ измѣнилъ правописаніе Державина и *нѣкоторыя формы его языка*. До изученія бумагъ Державина я думалъ о редакціи Грота иначе“ [1]).

---

[1]) Иначе думали многіе. Интересно, что на торжественномъ засѣданіи Акад. Наукъ (на гротовскомъ юбилеѣ 16 дек. 1912 г.) было признано, что заслуги Грота въ области *исторіи литературы*, а не языка. (работы по языку признаны не научными). Теперь же оказывается, что и въ области исторіи литературы Гротъ не внесъ ничего, кромѣ путаницы!

Въ своей работѣ Будде приводитъ примѣры того, что „Гротово изданіе Державина позволило себѣ *измѣненія въ языкѣ и помимо орѳографіи*“.

Дурная манера идетъ все шире и шире и въ результатѣ — чѣмъ позднѣе изданіе, тѣмъ оно хуже, тѣмъ больше въ немъ искаженій [1]).

---

[1]) Долженъ извиниться передъ читателемъ, что и я впалъ подъ вліяніемъ *неточно напечатаннаго текста* въ аналогичную ошибку, т. к. не имѣлъ возможности (въ Вят. губ.) провѣрить текстъ по рукописи. Въ моей брошюрѣ „Русско-нѣмец. правописаніе Грота“ на стр. 24 сказано: „прозваша деньги копѣйныя“, должно: „прозваша деньги копейныя“. Однако, это нисколько не ослабляетъ приводимыхъ нами доводовъ за написаніе „копѣйка“.

Правописаніе Я. К. Грота и здравый смыслъ.

Правописаніе современныхъ европейскихъ языковъ, а въ томъ числѣ и русскаго, основано не на одномъ какомъ-нибудь принципѣ, а на соединеніи нѣсколькихъ принциповъ.

Часть словъ мы пишемъ такъ, а не иначе на томъ основаніи, что „такое написаніе издревле принято“ — это принципъ исторической традиціи. По традиціи мы пишемъ того („тово“), добраго („добрава“) и проч.

Иногда мы съ исторической давностью не считаемся и пишемъ такъ, какъ слово произносится — это принципъ фонетическій.

Слѣдуя произношенію, мы пишемъ здѣсь, вездѣ вмѣсто „сдѣсь“ и „весдѣ“.

Слова дубъ, зубъ, морозъ мы пишемъ вмѣсто произносимыхъ „дупъ“, „зупъ“, „моросъ“ подъ вліяніемъ формъ: дуба, дубу, дубомъ... зуба, зубу, зубомъ... и т. д. — это принципъ аналогіи.

Слова „міръ“ и „миръ“ мы пишемъ различно, чтобы „не путать“ ихъ — принципъ дифференціаціи.

Наконецъ, заимствованныя слова мы стараемся писать ближе къ тому, какъ ихъ пишутъ и произносятъ иностранцы: циркъ („цыркъ“), аэростатъ и т. д. Это принципъ заимствованныхъ словъ.

Въ виду указанныхъ пяти различныхъ принциповъ, нельзя требовать абсолютной логичности и послѣдовательности отъ нашего правописанія: удовлетворяя исторической традиціи, мы будемъ противорѣчить или фонетическому или какому-либо другому принципу.

Согласовать эти принципы, сгладить наибольшія противорѣчія — работа крайне трудная, едва ли доступная одному

лицу... На наше горе эту работу взялъ на себя и съ легкимъ сердцемъ выполнилъ русскій нѣмецъ — Яковъ Карловичъ Гротъ.

Всѣ пять указанныхъ принциповъ онъ подчинилъ шестому — принципу своего произвола.

Издѣвательски перетасовавъ всѣ различныя основанія нашего правописанія, Гротъ далъ свое новое „Гротовское“ или вѣрнѣе „русско-нѣмецкое“ правописаніе.

Въ силу нѣкоторыхъ причинъ, о которыхъ мы не будемъ здѣсь распространяться, это „Гротовское русско-нѣмецкое правописаніе“ получило сначала права гражданства, а затѣмъ и права полнаго господства въ нашихъ школахъ.

И вотъ на всѣ вопросы учениковъ объ орѳографіи того или другого слова, въ нашихъ школахъ слышится только одинъ отвѣтъ: такъ надо „по Гроту“.

„По Гроту“ передѣланы всѣ наши учебники, „по Гроту“ печатаются хрестоматіи, „по Гроту“ исправляютъ (какой позоръ!) нашихъ классиковъ въ ихъ новыхъ изданіяхъ!

Вскорѣ безъ клейма „по Гроту“ у насъ не останется, кажется, ни одной книги.

Насколько нелѣпо и искусственно правописаніе Грота можно судить по слѣдующей очной ставкѣ, сдѣланной орѳографіи Грота и здравому смыслу въ прекрасной только что вышедшей книжкѣ „Молохъ XX вѣка“ — К. Житомірскаго.

Передъ нами происходитъ небольшой разговоръ объ одномъ или двухъ *н* въ причастіяхъ и именахъ прилагательныхъ. Разговоръ этотъ хорошо знакомъ каждому преподавателю русскаго языка.

Вотъ онъ:

Гротъ. Надо въ письмѣ руководиться исторіей, обыкновенно славянскимъ языкомъ.

Здр. Смыслъ. Значитъ, надо писать: сдѣланый, снесеный...

Гротъ. Нѣтъ, въ причастіи надо писать два „н“.

Здр. Смыслъ. Значитъ, сдѣланнъ, снесеннъ...

Гротъ. Нѣтъ, это краткія формы. Мы отступаемъ отъ славянскаго языка только въ полной формѣ.

Здр. Смыслъ. Въ такомъ случаѣ, какъ же поступить съ словами, произведенными отъ причастій?

Гротъ. Надо слѣдовать словопроизводству.

Здр. смыслъ. Это въ самомъ дѣлѣ остроумно. Я понимаю теперь, почему собственно вы въ полныхъ формахъ причастій нарушили традицію. Такъ какъ имена, происходящія отъ причастій, часто переносятъ удареніе къ самому суффиксу, особенно въ народномъ языкѣ (ср. ку́рящій, слу́жащій — причастія, и куря́щій, служа́щій — имена), то въ данномъ случаѣ будетъ послѣ ударенія слышаться удвоеніе *н*. Вы, значитъ, пишете: на́званный, поло̀женный, при́данный, засу́шенный, сва́ренный, изу́ченный и т. п. по образцу „назва́нный, положо̀нный, прида́нное, сушо̀нный, варённый, учонный, смышлённый".

Гротъ. Нѣтъ, нѣтъ. Именно въ этихъ словахъ, какъ и во всѣхъ причастіяхъ, получившихъ значеніе именъ, мы пишемъ одно *н*: званый, жданый, вкопаный и проч. именно для того, чтобы отличить прилагательное отъ причастія, ибо удареніе не надежный руководитель, такъ какъ обыкновенно совпадаетъ въ причастіи и въ имени. Именно отсутствіе удвоенія вѣрный признакъ прилагательнаго.

Здр. смыслъ. Хорошо. Если въ именахъ прилагательныхъ, звучащихъ, какъ причастія, но не происходящихъ отъ причастій, какъ „бездыханый, неубраный, окаяный" или въ никогда не употребляющемся въ качествѣ причастія народномъ „желаный" пишется одно *н*, то надо писать одно *н* даже въ тѣхъ, которые происходятъ отъ причастій.

Гротъ. Опять не угадали. Именно „бездыханный, неустанный, окаянный" мы пишемъ съ двумя *нн*, чтобы не думали, что они происходятъ отъ причастій. Такъ же мы пишемъ упомянутое вами „желанный".

Здр. смыслъ. Слѣдовательно, одно *н* вы пишете для отличія отъ причастія. Понимаю „приданое, подданый"...

Гротъ. Нѣтъ, нѣтъ. „Подданый" мы пишемъ два *нн*.

Здѣсь у здраваго смысла пропадаетъ всякое терпѣніе и онъ отказывается понимать Грота.

Здравый смыслъ и Гротъ — это два непримиримыхъ врага. Вмѣстѣ они быть не могутъ. Если хотите писать по „Гроту", то гоните здравый смыслъ и свой и своихъ учени-

ковъ; если же Вамъ дорогъ вашъ здравый смыслъ, то гоните Грота!...

Свою книгу съ критикой Гротовской орѳографіи Житомірскій заканчиваетъ слѣдующими строками:

„Какую я преслѣдовалъ цѣль, выпуская эту книжку?

На этотъ вопросъ я могу отвѣтить въ немногихъ словахъ. Я хотѣлъ убѣдить всякаго, имѣющаго уши слышати, что Молохъ не Богъ, а обыкновенный болванъ.

Что же дѣлать?

Совѣтъ данъ тридцать пять вѣковъ тому назадъ: „не сотвори себѣ кумира... и не поклоняйся ему".

Любовь Я. К. Грота къ русской исторіи.

Время отъ времени Я. К. Гротъ оказывалъ свое вниманіе и русской исторіи. Не буду пока подводить итоговъ всему, что сдѣлано имъ въ данной области, остановлюсь лишь на одномъ, излюбленномъ имъ, моментѣ нашей исторіи. Я разумѣю, такъ называемый, варяжскій вопросъ. Яковъ Карловичъ здѣсь былъ всецѣло на сторонѣ норманской школы и вездѣ и всюду возвращался къ тому, какъ „наша земля велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ", какъ русскіе славяне только и знали, что ссорились между собой, пока не обратились къ народу германской крови — норманамъ; послѣдніе, разумѣется, сейчасъ же „внесли сѣмена общественности".

Не будемъ говорить, что въ настоящее время наука смотритъ на это „призваніе князей", какъ на легенду, извѣстную въ лѣтописяхъ и другихъ народовъ (напр., у англосакс. лѣтописца Видукинда почти слово въ слово!); во время же Я. К. Грота ученые почти не сомнѣвались въ фактѣ „призванія" и лишь рѣшали вопросъ: *откуда* были призваны первые князья. Одни ученые искали родину первыхъ князей въ Скандинавіи, другіе то у славянскихъ, то у литовскихъ племенъ. Доводы, приводимые тѣми и другими, вращались все время въ области догадокъ [1]). Несомнѣнно было одно,

[1]) Въ наше время послѣднее слово по данному вопросу принадлежитъ академику Шахматову. Въ только что вышедшемъ 11 выпускѣ „Энциклопедіи славянской филологіи" онъ говоритъ, что о призваніи

что вопросъ крайне спорный и что окончательнаго слова еще не сказано ни той ни другой стороной. Это сознавалъ и Гротъ, но вопреки всякой логикѣ заявлялъ: „Я, однакожъ, остаюсь при прежнемъ моемъ мнѣніи, что варяго-русскіе князья, согласно съ извѣстіемъ Нестора, призваны къ намъ изъ Скандинавіи“ (IV. 1). И это онъ говоритъ въ статьѣ, гдѣ самъ признаетъ всю *спорность* вопроса!

Вотъ нѣкоторые факты, подтверждающіе упорство Грота въ своемъ рѣшеніи „варяжскаго вопроса“.

Къ этому вопросу онъ возвращается minimum 8 разъ, не только въ серьезныхъ статьяхъ [1]), но и въ „прозѣ для дѣтскаго возраста“ (дважды); не только въ прозѣ, но и въ стихахъ!

Въ своихъ „Мысляхъ“ онъ говоритъ „о той *великой* минутѣ, когда Славяне въ соединеніи съ Чудью и Весью рѣшились пригласить къ себѣ Варяжскихъ князей“. Къ этому, разумѣется, вынуждаютъ Славянъ безначаліе и распри. „У нихъ нѣтъ никакого общественнаго благоустройства“. „Съ прибытіемъ Варяжскихъ князей брошено въ славянскую почву сѣмя общественнаго развитія“ (V т., стр. 46—47).

Въ „прозѣ для дѣтскаго возраста“ (языкъ-то!) дважды разсказываетъ объ этомъ призваніи съ подробностями чуть ли не очевидца. Если въ „Первыхъ главахъ русской исторіи“ Я. К. Гротъ еще остороженъ въ своихъ измышленіяхъ (Варяги

варяговъ русскими славянами и рѣчи быть не можетъ. Варяги были врагами-порабoтителями. „Не призваніе Варяговъ сбросившими съ себя ихъ иго племенами, а появленіе заморскихъ Варяговъ по собственному ихъ почину. Если кто могъ призвать Варяговъ, то только ихъ *сородичи,* оставшіеся среди славянскихъ и финскихъ племенъ“. Данныя языка свидѣтельствуютъ объ „истребленіи оставшихся скандинавовъ“. „Есть рядъ данныхъ для утвержденія, что особенно активно выступили въ этомъ движеніи именно славянскія племена — Словѣне и Кривичи“. Скандинавамъ пришлось спасаться отъ этого погрома. „Изгнанные Скандинавы скрылись, повидимому, среди Западно-финскихъ племенъ, Чуди и Веси, и оттуда искали помощи за моремъ, призывая Варяговъ“. См. Введеніе, XXIX стр.

[1]) Напр., онъ обрушивается на историка Костомарова, помѣстившаго въ 1860 г. въ „Современникѣ“ статью „О началѣ Руси“ и доказывавшаго въ ней призваніе князей съ береговъ Нѣмана изъ предѣловъ нынѣшнихъ литовскихъ поселені

призваны, „*какъ думаютъ*, изъ шведской области Росъ-Лагенъ, противъ южнаго берега Финляндіи“ V т., 501), — то въ IX главѣ „Начала Руси“ эти измышленія уже передаетъ за безспорный фактъ: упомянувъ „шведскую область Рослагенъ, недалеко отъ Стокгольма“, онъ опредѣленно заявляетъ, что славяне „туда *именно* отправили пословъ своихъ“ (V, 533). Такая географическая точность въ вопросѣ, который въ статьѣ „Литва или Скандинавія“ признанъ самимъ Гротомъ совершенно нерѣшеннымъ, болѣе чѣмъ неумѣстна! И это для дѣтей! Давать завѣдомо ложныя свѣдѣнія съ первыхъ лѣтъ обученія и въ такомъ спорномъ вопросѣ! Не надо забывать, что сообщеніе именъ и точныхъ мелкихъ подробностей обладаетъ особой психологической силой убѣдительности, тѣмъ болѣе „для дѣтскаго возраста“.

Рѣшеніе варяжскаго вопроса найдете во многихъ статьяхъ, часто подъ совершенно неожиданными заглавіями, включительно до статьи „О названіяхъ аиста въ Россіи“ (Фил. раз. I, 377) [1]).

Въ письмѣ къ Плетневу, онъ совѣтуетъ послѣднему почитать „сочиненіе Куника на нѣмецкомъ языкѣ“, гдѣ данный вопросъ „разсмотрѣнъ съ такою полнотой и основательностью“.

Любопытенъ, между прочимъ, и отвѣтъ Плетнева: „не буду продолжать съ тобою спорить о заслугахъ русской исторіи Куника... тебѣ не безъизвѣстно, что мое воззрѣніе не согласуется съ твоимъ. Заслугою исторіи я признаю сочиненіе, которое содержитъ въ самомъ дѣлѣ исторію, а не болтовню о годахъ и именахъ“ (Пер. III, 493).

Послѣ перевода извѣстной поэмы Тегнера „Фритіофъ“, Гротъ проникся такимъ восхищеніемъ передъ скандинавскими рыцарями, что самъ не удержался отъ *поэтическаго призванія скандинавовъ вновь на Русь*!

Онъ, разумѣется, приглашаетъ норманновъ не къ захвату территоріи, а къ захвату области культуры и поэзіи.

Приглашая „культурнаго“ Фритіофа на Русь, онъ предостерегаетъ его отъ возможныхъ непріятныхъ случайностей

---

[1]) Здѣсь Гротъ обрушивается на историка Иловайскаго за его статью „О мнимомъ призваніи варяговъ“.

со стороны „остатковъ *дикой* старины“! Онъ ничего не долженъ бояться, вѣдь онъ идетъ съ величайшей культурной миссіей, дабы „и свѣтъ и истина пролили свои лучи надъ русскимъ словомъ“.

Впрочемъ, это стихотвореніе такъ откровенно, что приведемъ изъ него нѣкоторые отрывки:

„О ты, мой витязь, мой герой,
Возобнови свои походы
И, презирая непогоды,
Иди на Русь! Иди стезей,
Которой нѣкогда варяги,
Твои собраты—земляки,
Безпечно сѣвъ на челноки,
Стремились — полные отваги.

И невредимъ чрезъ наши долы
Пойдешь ты съ пѣснями въ устахъ,
И жаръ возвышенный въ сердцахъ
Да пробудятъ твои символы!
Когда же съ кликами войны
Вдругъ на тебя свои удары
Направитъ нѣкій витязь ярый
(Остатокъ дикой старины),
Понять тѣ знаки неспособный:
Съ улыбкой выставь ты свой щитъ;
Но будь спокоенъ, какъ гранитъ,
Невозмутимъ какъ столпъ надгробный!
И вѣрь: пройдетъ борьбы пора;
На мигъ лишь царство лжи и брани;
Возьметъ державу богъ добра.
Возстанетъ онъ въ сіяньи новомъ,
И струны Брага запоютъ,
И свѣтъ и истина прольютъ
Свои лучи надъ русскимъ словомъ!

Спасибо! спасибо! право мы „остатки дикой старины“ совсѣмъ погибли бы во мракѣ лжи и брани, если бы не германскіе лучи свѣта и истины! Спасибо!

Боясь сдѣлать опредѣленные выводы относительно интереса Грота къ „призванію варяговъ“, укажу лишь для будущаго безпристрастнаго біографа Я. К. Грота слѣдующее, быть можетъ, случайное, но любопытное совпаденіе.

Среди ближайшихъ друзей дѣда Грота былъ извѣстный нѣмецкій проф. Шлёцеръ, горячо доказывавшій въ свое время норманское происхожденіе варяговъ.

Гротъ съ чувствомъ благодарности не разъ повторяетъ слѣдующую выдержку изъ сочиненій Шлёцера о крупной услугѣ, оказанной имъ пастору Іоакиму Гроту при его избраніи въ Петроградъ: „Бакмейстеръ и я нѣсколько способствовали тому, что прибыльный приходъ (Екатерининская церковь въ Петроградѣ) достался Гроту; мы ходили изъ дома въ домъ къ тѣмъ нѣмцамъ, которые должны были подать свой голосъ, и высказывались о несомнѣнности того, что на сторонѣ Грота большинство прихожанъ. И дѣйствительно оно оказалось въ его пользу. Я остался въ тѣсной пріязни съ нимъ и часто пользовался его столомъ и экипажемъ“ („Матер“. 7 Т. ж. IV, 110).

И вотъ, какъ бы въ благодарность Шлёцеру, черезъ нѣсколько времени внукъ Іоакима Христіана Грота выступаетъ въ защиту тѣхъ же „норманскихъ“ идей, которыя отстаивалъ и Шлёцеръ и которыя возбуждали такое негодованіе въ свое время со стороны еще Ломоносова!

Конечно, здѣсь случайность: скорѣе оба, и Шлёцеръ и Гротъ, имѣли общую отправную точку въ своихъ изслѣдованіяхъ по русской исторіи.

Правописаніе Грота и „прямые интересы школы“.

К. Гротъ повторяетъ заблужденіе Я. К. Грота, думая, что „Правописаніе“ „благое дѣло въ прямыхъ интересахъ школы“.

Еще на свое вниманіе ко мнѣнію „педагогическаго сословія“ (?) ссылался Я. К. Гротъ, когда отказывался передать свое руководство на разсмотрѣніе комиссіи ученыхъ спеціалистовъ. Но какъ тогда, такъ и теперь факты говорятъ противное. Ни Гротъ не шелъ навстрѣчу „педагогическому сословію“ (его выраженіе), ни послѣднее не было удовлетворено гротовскимъ руководствомъ. Недовольство педагогическихъ круговъ началось одновременно съ недовольствомъ ученыхъ, т. е. съ момента выхода пресловутаго „Правописанія“. На это указываетъ и Е. В. Пѣтуховъ въ своей рѣчи на юбилеѣ Грота („Памяти“, 28). Но лучше всего судить о глубокомъ недовольствѣ педагогическихъ массъ по оффиціальному „Протоколу комиссіи о русскомъ правописаніи“ при Академіи Наукъ въ апрѣлѣ 1904 года, отрывокъ изъ котораго мы помѣстили въ качествѣ эпиграфа къ нашей книжкѣ.

Большіе матеріалы, свидѣтельствующіе о ропотѣ школы подъ игомъ Грота собраны и у В. И. Чернышева въ его прекрасной книжкѣ „Упрощеніе русскаго правописанія“.

А къ какому горькому выводу приходитъ К. Житомірскій въ упоминаемой нами книгѣ „Молохъ XX вѣка“! Здѣсь, въ главѣ „О правописаніи съ педагогической точки зрѣнія“, онъ съ горечью восклицаетъ: „Сколькимъ тысячамъ дѣтей вмѣсто хлѣба-образованія дается камень правописанія!“ (224).

Каждый преподаватель по себѣ знаетъ, какъ тяжело положеніе и дѣтей и педагога, отдающихъ лучшее время

на изученіе безсмысленнаго, часто-завѣдомо ложнаго, правописанія „по Гроту“.

„Несчастіе преподавателя заключается въ томъ, что мало вѣря въ божественность Молоха, онъ является главнымъ его жрецомъ, тѣмъ самымъ, который непосредственно бросаетъ дѣтскія жертвы въ раскаленныя руки безпощаднаго идола“ (Житом., 256).

Въ заключеніе позволю себѣ принести глубокую мою благодарность тѣмъ многочисленнымъ представителямъ русской школы и педагогической администраціи, которые откликнулись на мою книжку „Русско-нѣмецкое правописаніе Я. К. Грота“ и обратились ко мнѣ съ сочувственными письмами.

Радъ буду подѣлиться своими мыслями и впредь.

4 янв. 1916 г. *Алексѣй Миртовъ.*

Петроградъ, Ивановская, 16, кв. 44.

Книги А. В. МИРТОВА:

1. **„Русско-нѣмецкое правописаніе академика Якова Карловича Грота“.** 30 коп.

2. **Литературное утро въ школѣ.** Сборникъ на темы: Родина, война, Галиція, славяне. 50 коп.

   Уч. Ком. Мин. Н. Пр. допущ. и Уч. Ком. Вѣд. Имп. Маріи рекомендовано для всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

3. **Какъ научить и научиться писать сочиненія.** Изд. 2-ое. Цѣна 75 коп.

4. **Какъ научить и научиться грамотно писать.** Изд. 3-е.

   Рекомендовано Уч. Ком. всѣхъ вѣдомствъ.

5. **Предупредительные диктанты.** 50 коп.

6. **Систематическій курсъ правописанія.** 35 коп.

7. **Какъ не путать Ѣ и Е?** Съ обзоромъ всѣхъ способовъ изученія буквы **ѣ.** 25 коп.

8. **Учебникъ по исторіи русскаго яыка.** 1 руб. Изд. Т-ва „М. О. Вольфъ“.

9. **Стѣнныя таблицы** (въ 4-краски) для скораго и нагляднаго изученія ЛАТИНСКИХЪ СПРЯЖЕНІЙ. 4 таблицы большого формата и книжка объяснительнаго текста. 2 руб.

   Допущ. Уч. Ком. М. Нар. Пр. въ качествѣ класснаго пособія.

10. **Стѣнная таблица латинскихъ склоненій.** Большой форматъ. 75 коп.

    Допущ. Уч. К. М. Н. Пр. въ качествѣ класснаго пособія.

11. **Цвѣтныя таблицы латинскихъ склоненій и спряженій.** Малый форматъ. 40 коп. за полный комплектъ.

    Допущ. Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“

ПЕТРОГРАДЪ, Гостиный дв., 19. | МОСКВА, Моховая, 24.

ЮГЕЛЬГЕНЪ, ГЛЯЧЪ И КО.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00023752146